

A large, elegant, grey decorative flourish or calligraphic element that frames the author's name. It starts with a long, sweeping curve from the top left, loops around the text, and ends with a smaller flourish on the right side.

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

королева мистического романа

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного	Смертельное танго
Хозяйка колодца	Ты, я и Париж
Третий ключ	Судьба № 5
Дом у Чертова озера	Хрустальное сердце
Пепел феникса	Миллионер из подворотни
Волчья кровь	Мужчины не плачут
Слеза ангела	Паутина чужих желаний
Печать василиска	Вранова погоня
Проклятый дар	Сердце ночи
Музы дождливого парка	Лабиринт Медузы
Самая темная ночь	Темная вода
Час перед рассветом	Снежить
Ведьмин клад	

ЦИКЛ «ТАЙНА ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма!

ЦИКЛ «ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака
Цербер-хранитель
Один сон на двоих

ЦИКЛ «СТРАЖЕВАЯ БАШНЯ»

Свечная башня
Светочи тьмы

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

МИЛЛИОНЕР
ИЗ ПОДВОРОТНИ

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Художественное оформление серии *Е. Петровой*

Редактор серии *Е. Дмитриева*

Корсакова, Татьяна.
К69 Миллионер из подворотни / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с

ISBN 978-5-04-199388-7

«Девушка, купите редиску!» — окликнул Симу бомж. Он оказался настойчив, и она предпочла достать из кошелька последние деньги, лишь бы избавиться от неприятного типа. Могла ли Сима подумать, что перед ней — миллионер, участвующий в странной игре «Полное погружение». У богатых свои причуды, но порой их игры имеют самые непредсказуемые последствия.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199388-7

© Корсакова Т., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ЧАСТЬ I

1

— Девушка, купите редиску!

— Спасибо, мне не нужна редиска.

— Девушка! Всего за двадцать рублей!

— Я же сказала: не нужна мне ваша редиска!

Сима раздраженно оттолкнула грязную руку с зажатым в ней пучком полудохлой редиски, красная цена которой рублей десять. Сима смертельно устала за этот бесконечно долгий день. Она хотела домой. Дома ждала горячая ванна и липовый чай. Не нужна ей никакая редиска, да еще за такие деньги, да еще из рук какого-то бомжа. Небось украл где-нибудь...

— Девушка, — рука с траурной каймой под ногтями больно сжала ее запястье, — у вас весенний авитаминоз, поэтому вы такая злая.

— Послушайте, оставьте меня в покое! — Сима брезгливо поморщилась и высвободила руку из цепких пальцев.

— Не могу. Мне очень хочется продать вам эту чудесную редиску. — Бомж не отставал ни на шаг.

Сима неприязненно посмотрела на своего преследователя. Мужчина неопределенного воз-

раста, довольно высокий, одетый в выдавшую виды спортивную куртку, грязные джинсы и какие-то нелепые ботинки на босу ногу. В одной руке — пучок злополучной редиски. В другой — полосатая хозяйственная сумка, в которой что-то подозрительно позвякивает. Скорее всего, пустые бутылки.

— Я терпеть не могу редиску, — отчеканила она, — и грязных, вонючих мужиков, которые, вместо того чтобы работать, побираются на улицах, тоже не люблю. Ясно?

— Ясно. — За стеклами очков в уродливой роговой оправе холодно сверкнули серые глаза. — Только я не побираюсь, как вы изволили выразиться. Я работаю.

— Знаете, я, как ни странно, тоже, — огрызнулась Сима. — И я не собираюсь тратить свои деньги на всякую ерунду.

— Редиска — это не ерунда. Это очень вкусный и полезный овощ. — Бомж преградил ей дорогу.

Сима оглянулась — как назло, ни одного прохожего поблизости. Зачем только она ввязалась в спор с этим типом?!

— Ну так как? — послышался над ухом настойчивый голос.

— Чего вы от меня хотите?

— Купите редиску.

— Господи! Давайте свою редиску и оставьте наконец меня в покое!

Она открыла кошелек — никакой мелочи. Только сиротливая сотня. За что же ей такое наказание? Надеяться на то, что бомж проявит сознательность и вернет сдачу, было просто глупо.

по. Сима тяжело вздохнула и протянула мужику купюру:

— Вот. Сдачи, конечно, не будет?

Лицо бомжа расплылось в довольной ухмылке. Блеснули на удивление ровные и белые зубы.

— Сдачи нет, но я дам вам пять пучков.

Надо же! Он еще и считать умеет!

Ее последняя сотня перековывала во внутренний карман спортивной куртки. Сима еще раз огляделась по сторонам и заспешила к своему дому.

Было уже довольно темно. Кое-где даже зажглись фонари. А ей еще идти через сквер — любимое место сбора местной шантрапы.

— Девушка! А редиска? — послышалось вдогонку.

— Да пошел ты со своей редиской, — проворчала она себе под нос и ускорила шаг.

Что за день сегодня такой?! Повымерли все, что ли? Сима быстро шла по безлюдному скверу, то и дело оглядываясь по сторонам.

— ...Опа! Смотри, Малек, какая герла!

Трое бритоголовых выросли как из-под земли.

Скинхеды! Сима почувствовала слабость в ногах. Встреча с этими ублюдками не предвещала ничего хорошего. Особенно ей, с ее далеко не европейской внешностью.

Что делать? Бежать!

Поздно...

— Куда? — Один из скинов схватил ее за шиворот — в ноздри шибанули алкогольные пары.

Пустынный сквер...

Пьяные скинхеды...

Господи, помоги!

Из темноты вынырнула плотоядно улыбающаяся рожа, в упор посмотрела на Симу.

— Пацаны, а девка-то нерусская!

— Черножопая? — с надеждой спросил тот, что держал Симу за шиворот, и на всякий случай больно вывернул ей руку. — Стой, коза! Не рыпайся!

Перед ее лицом вспыхнула зажигалка.

— Не, не черножопая, — сказала рожа. — Какая-то черная, но не негритоска.

— Китаеза?

— Да хрен поймешь!

— Ну-ка, Малек, посторонись. — Перед Симой нарисовался третий скинхед.

Снова щелкнула зажигалка.

Парень разглядывал ее долго и внимательно.

— Что-то в ней есть от латиносов, — сказал задумчиво. — Только глаза, кажется, светлые.

— Признавайся, коза, какой ты национальности? — Тот, что стоял сзади, дернул ее за волосы.

На глаза навернулись слезы — от боли и еще от страха.

— Русская... — прошептала Сима.

— Громче! Не слышу! — Скин стал медленно наматывать на кулак ее длинные волосы.

— Русская! — почти крикнула она.

Рывок — и ее голова запрокинулась назад.

— Не ори, — добродушно сказал тот, с зажигалкой. — Вообще-то нам по фигу, русская ты или нерусская. Для нас сейчас любая сгодится.

Небо было уже почти черным. Звезды — невыносимо яркими и колючими... Черное небо и колючие звезды — вот единственное, что могла ви-

дочь Сима. А потом она почувствовала, как чьи-то руки шарят по ее телу, задирают свитер... Она дернулась и закричала.

— Заткнись, сука, а то порешу! — У шеи нервно заплясало лезвие ножа.

Сима заставила себя замолчать.

— Смотри-ка, покладистая!

Раздался пьяный смех.

— Ребята, отпустите девушку, пожалуйста. — Голос был вежливый и смутно знакомый.

— Это еще кто у нас тут вякает? — спросил державший зажигалку.

— Что ты сказал, чмо? — прошипел тот, которого называли Мальком.

— А ты стой, коза. Не рыпайся! — Лезвие сильнее вдавилось в кожу.

— Вы, ребята, наверное, нормальную речь не понимаете? — Голос стал громче. Загремели пустые бутылки.

— Это ты, чмо, что-то не догоняешь! А ну-ка, топай отсюда!

— Конечно! Непременно! Вот отпустите девушку, и мы потопаем.

— Все! Мое терпение кончилось! Мы тебя, мужик, предупреждали! — Это, кажется, опять тот, что с зажигалкой.

— Уходите! У них ножи!

Сима очень боялась, что он послушается и уйдет, но должна была его предупредить. Что может противопоставить оружию бомж? Свою дурацкую редиску?!

Вместо ответа снова послышался звон бутылок. Затем на несколько секунд воцарилась гробовая

тишина, за которой последовала какая-то возня, звук рвущейся ткани, крики, матерная ругань...

Сима услышала глухой удар. Потом еще один...

— Какого?.. Ты что делаешь, урод?! — раздался голос Малька. — Ой, мамочки! Пусти!!! — Слова перешли в протяжный вой.

Снова загремели пустые бутылки.

— Стой где стоишь! Слышишь меня, мужик? — Скин, который держал Симу, стал медленно пятиться, увлекая ее за собой. — У меня перо! Я ее прикончу!

— Дело твое, — говоривший был совсем близко, — только после того, как ты прикончишь ее, я прикончу тебя.

— Малек! Силич! Чего вы там разлеглись?! Уроды! — В голосе скина слышалась паника.

— Не знаю, кто из них кто, но подойти они сейчас никак не могут. Один, по-моему, в отключке, а второму я что-то сломал.

— У-у, ненавижу! — Нож завис на уровне Симиных глаз.

Она зажмурилась. Сейчас этот отморозок ее зарежет — и все...

— Забирай! Забирай свою сучку! — Сильный толчок сбил Симу с ног. Она упала на четвереньки, больно ударившись коленкой об острый камень. Из глаз посыпались искры.

Вот черт! Кажется, она порвала джинсы. Разбитую коленку было далеко не так жалко, как джинсы: почти новые, купленные прошлой осенью, они ей очень нравились. Сима провела рукой по брючине. Так и есть — дыра. Ну что же это за день такой сегодня?! Сначала на работе ее шпыняли все, кому не

лень. Потом она отдала последнюю сотню за пучок вялой редиски. Потом ее чуть не изнасиловали. И вот, в довершение всех несчастий, эта дыра...

Сима разревелась.

Рядом послышалось деликатное покашливание. Бомж! Она совсем забыла про своего спасителя.

— Спасибо вам большое. — Сима с трудом встала на ноги.

Мужчина стоял в метре от нее, скрестив руки на груди.

— Извините, что не помогаю подняться. Вам, помнится, были противны мои прикосновения. Не хочу усугублять неприятные впечатления.

— Вы избавили меня от гораздо более неприятных впечатлений. — Сима отряхнула джинсы и всмотрелась в темноту. Оттуда доносились какие-то шорохи и стоны.

— Не обращайтесь внимания, — бомж небрежно махнул рукой. — Пойдемте, я провожу вас до дома. Или вы возражаете?

Сима не возражала. После пережитого страха она готова была согласиться на любого провожающего, даже такого, как этот.

Загремели бутылки — бомж поднял с земли свою сумку.

Сима шла быстро, не глядя по сторонам. Рядом бодро шагал ее спаситель. Всю дорогу они хранили молчание.

— Ну вот, я уже почти дома. — Она остановилась в двадцати метрах от своего подъезда. Ей очень не хотелось, чтобы кто-нибудь из соседей увидел ее в такой сомнительной компании. — Спасибо, что проводили... И вообще...

— Не за что.

Бомж, похоже, не собирался никуда уходить. И что ей теперь с ним делать?

Сима вздохнула.

— Хотите перекусить? — спросила она с тайной надеждой, что мужик проявит деликатность и откажется.

— С удовольствием! — В темноте блеснули белые зубы.

Впервые за день Симе повезло: они благополучно добрались до ее квартиры, так и не встретив ни единой живой души. И на том спасибо.

Она открыла дверь, включила свет в прихожей.

— Проходите, — посторонилась, пропуская гостя внутрь.

Тот неловко повернулся — загремели бутылки.

— Да поставьте вы свою сумку! — зашипела она, нервно оглядываясь на соседскую дверь.

Наконец бомж переступил порог, кое-как пристроил свое барахло в углу и в нерешительности застыл посреди прихожей. Сима поспешно захлопнула входную дверь.

— Что вы стоите? Разувайтесь, снимайте свою куртку, — сказала она и внутренне содрогнулась, представив, как будут пахнуть его ноги.

Мужик сбросил свои замечательные боты и остался босиком. Как ни странно, от него ничем таким не пахло. Сима вздохнула с облегчением.

А с курткой была беда: в борьбе за Симину девичью честь один рукав оказался почти оторванным.

— Давайте ее сюда, я пришью, — предложила она. — И не стойте вы на пороге, проходите в комнату.

Бомж застенчиво пошевелил пальцами ног.

— Что? — спросила она, едва скрывая раздражение.

Даже шапку свою дурацкую не снял. Ботинки снял, а шапку оставил.

— Можно мне у вас помыться, раз уж такое дело?

Начинается! Хозяйка, дай воды напиться, а то так есть хочется, что переночевать негде... И о чем она только думала? Зачем приволокла его в свой дом? Теперь придется проводить дезинфекцию: у него небось полно блох.

— Минутку, — сказала Сима после затянувшейся паузы и направилась в ванную.

На батарее сушились трусы, она торопливо сунула их в карман джинсов. Не хватало еще, чтобы всякие бомжи разглядывали ее белье. Тем более что и разглядывать-то особо нечего — обыкновенное хэбэ.

За спиной послышалось сопение. Она даже подпрыгнула от неожиданности. Бомж стоял на пороге ванной и виновато улыбался.

— Да что же вы подкрадываетесь?! — Интересно, он видел ее манипуляции с трусами?

— Извините, я не хотел вас напугать.

— Вы меня не напугали.

Сима протиснулась мимо мужика — тот даже не подумал посторониться.

— Шампунь, мыло — на полке, полотенце — на вешалке.

Про мочалку она сознательно не упомянула, не хватало еще, чтобы он мылся ее мочалкой. Наверное, и зубную щетку нужно было спрятать — так, на всякий случай.

— Одежды на смену у меня для вас нет. Я живу одна.

Ну вот, опять! Зачем она сказала, что живет одна? Совсем рассудка лишилась.

— Спасибо, я обойдусь, — вежливо сказал гость.

— Я пошла готовить ужин. — Сима сердито хлопнула дверью.

На кухне, в окружении привычных вещей, она немного успокоилась. Ну, что делать? День сегодня такой, сумасшедший. Надо перетерпеть.

В холодильнике было шаром покати. Впрочем, как всегда за неделю до зарплаты. В морозильной камере обнаружили четыре сосиски. Вот и славно! Сосиски есть. Картошка есть. Сейчас она все это быстренько пожарит.

Сима чистила картошку и прислушивалась к звукам, доносящимся из ванной. Ее неожиданный гость фыркал как жеребец и напевал что-то веселенькое.

Она уже забросила картошку на сковороду, когда шум воды стих. Через минуту раздался скрип открывающейся двери и шлепанье босых ног по линолеуму.

— Спасибо, хозяйка.

— На здоровье. — Сима наконец оторвалась от плиты, обернулась и остолбенела.

Посреди ее кухни стоял полуголый мужик. Из одежды на нем были только джинсы и очки. Но ее поразило даже не это. Бомж, которому, по ее пред-

ставлению, должно быть лет так сорок-сорок пять, оказался молодым парнем, ненамного старше ее самой.

— Пахнет вкусно. — Он широко улыбнулся.

Вода капала с русых волос на широкую грудь, скатывалась по рельефному животу.

Сима не могла оторвать взгляда от этого увлекательного зрелища.

— Вам помочь? — спросил он.

— Что?

— Я спрашиваю, нужна ли вам моя помощь?

Она встрепенулась, сердито посмотрела в насмешливые серые глаза.

— Помешайте пока картошку, а я схожу за швейной машинкой.

— Зачем? — спросил бож.

— Картошку мешают, чтобы она не пригорела, а машинка нужна, чтобы пришить ваш рукав, — сказала Сима и выскочила из кухни.

По дороге она заглянула в ванную. Так и есть — мочалка мокрая. Значит, он ею все-таки пользовался. Теперь придется покупать новую, а денег нет.

В зеркале отразилось ее расстроенное лицо и пылающие уши.

«А вы-то чего? — мысленно спросила она ушей. — Будто я не видела мужское пузо?»

«Такое рельефное — никогда», — отозвались уши.

«Ничего особенного, живот как живот», — проворчала Сима и погасила свет.

Швейная машинка была едва ли не самой дорогой вещью в доме. Сима ее холила и лелеяла как свою кормилицу. По ночам и по выходным Сима

шила одежду на заказ. Только это позволяло ей худо-бедно сводить концы с концами. На зарплату секретаря крошечного архитектурного бюро выжить практически невозможно.

Сима подхватила машинку и поволокла ее на кухню.

— Что вы делаете? Я вам сейчас помогу. — Бомж выхватил машинку и легко, словно она была сделана из картона, поставил на кухонный стол.

— Спасибо.

— Картошка скоро будет готова, — отрапортовал он, выходя в прихожую. Снова загремели бутылки.

Сима поморщилась — определенно, этот жуткий звук ее раздражал.

— Вот. Хорошо, что я вовремя вспомнил! — На стол, рядом с машинкой, упал пучок редиски. — Сделаем салатик?

— Как хотите, — сказала Сима, не отрываясь от работы. Пока гость возился со своими бутылками и редисками, она успела приметать рукав.

— Я хочу.

— Ну, тогда делайте.

— Послушайте, может, мы познакомимся? — Бомж уселся напротив.

Ей совсем не хотелось знакомиться. Что за глупости — знакомиться со всякими бомжами! К тому же знакомство предполагало дальнейшее общение, а ей это совершенно ни к чему.

— Ну так как? — спросил он требовательно. — Вас как зовут?

— Сима. — Называть свое имя не хотелось, но и элементарную вежливость еще никто не отменял.

– Очень приятно. А я Илья, – бомж протянул руку.

Она покосилась на протянутую ладонь. Грязи под ногтями больше не было, да и сама рука выглядела чистой. Была не была...

– Сима – это от Серафимы? – спросил Илья.

– Сима – это просто Сима. Ясно?

Она ненавидела свое имя лет с пяти, когда начала понимать, как сильно оно отличается от обычных Маш, Кать и Тань.

Симона Вишневская – с ума сойти! Сколько раз ей приходилось плакать из-за своего имени! Все ее детские комплексы были из-за него.

Выход из положения нашла бабушка: «Говори всем, что ты Сима. Имя хорошее, старинное». Это решило проблему, и в дальнейшем она иначе как Симой не называлась. Только мама упорно продолжала звать ее Симоной.

«Симона, не понимаю, чем ты недовольна? Такое чудесное имя! Его, между прочим, твой папочка выбирал, оно ему очень нравилось».

В том, что ее папочке нравилось имя Симона, не было ничего удивительного. Особенно если учесть, что самого папочку, которого Сима ни разу в глаза не видела, звали Диего Маркос. Он был кубинцем и учился с ее мамой на одном курсе в архитектурно-строительном институте. Плодом любви русской девушки и кубинского юноши и явилась Сима, она же Симона. Сразу после родов новоиспеченный папаша расцеловал дочку и невесту и отбыл на остров Свободы, пообещав вернуться за ними через полгода.

Время шло, Сима росла, а от папочки не было никаких вестей. Первый год мама очень страдала, а потом успокоилась, подкинула годовалую дочку бабушке и занялась устройством личной жизни.

Мама была красива, умна, эрудированна. Ее личная жизнь устроилась очень быстро. Нет, мама не вышла замуж, но теперь она больше никогда не оставалась одна. Рядом с ней всегда был какой-нибудь мужчина — красивый, богатый, щедрый.

Когда Симе исполнилось три года, родился Вадик, сводный брат. В Вадике мама души не чаяла. Он был очень похож на нее саму: такой же красивый, светловолосый, голубоглазый.

А Сима? А Сима росла точной копией своего блудного кубинского папаши: смуглая, черно-волосая, кудрявая. Только с цветом глаз природа что-то намудрила: они были светло-желтые, почти как у кошки. Может, сказались европейские гены мамы, разбавили горячую южную кровь?

Как бы то ни было, а Сима продолжала жить с бабушкой.

«Симона, ты так похожа на своего отца-негодяя, что, когда я смотрю на тебя, мое сердце обливается кровью. Ты же не хочешь, чтобы твоя мамочка расстраивалась, правда? Вот и умница! Поживи пока с бабушкой».

Так она и жила с бабушкой до прошлого года. А потом бабушка умерла, оставив внучке свою однокомнатную квартиру.

Через месяц после похорон Симу навестила мама. Последний раз они виделись, кажется, два года назад. Выглядела мама, как всегда, великолепно: безупречный макияж, прическа — волосок

к волоску, костюм от Шанель, шлейф дорогих духов.

— Детка, прости, что я не была на похоронах. Срочная командировка в Лондон. Сама понимаешь, я не могла отказаться.

Сима не понимала.

Как можно со спокойной душой улететь в какой-то там Лондон, когда твоя родная мама лежит на смертном одре?

— Вот, кстати, это тебе подарок. — Мама поставила на стол маленькую золотистую коробочку. — Это духи. Настоящие, французские.

— Спасибо. Хочешь чаю? — Симе не хотелось даже прикасаться к этим «настоящим французским духам».

— Нет, Симона. Я пью только зеленый чай с китайским жасмином. Очень полезно для цвета кожи. У тебя же нет?

— У меня есть липовый чай.

— Не стоит. Я, собственно говоря, по делу.

Сима насторожилась: раньше маме не было до нее никакого дела.

— Это насчет квартиры, — мама небрежно взмахнула рукой.

— Какой квартиры?

— Да вот этой квартиры. Бабушка ведь оставила ее тебе? Симона, ну почему ты все время молчишь? Я надеюсь, ты согласна с тем, что бабушка поступила несправедливо? В конце концов, кроме тебя, у нее ведь были еще и мы с Вадиком. И мы ее тоже очень любили.

Сима была в корне не согласна. Ни мама, ни Вадик ни разу за последние два года не навести-

ли бабушку, не спросили, как она живет, все ли у нее есть, хватает ли денег на лекарства. Ладно, Вадик — он еще маленький и глупый. Но мама...

— Что ты хочешь? — спросила Сима.

Мама достала из сумочки пачку невиданных тоненьких сигарет и золотую зажигалку.

— Я закурю. Ты не возражаешь, Симона?

— Я не возражаю. Только не называй меня Симоной.

— Хорошо, хорошо. — Мама щелкнула зажигалкой и глубоко затянулась.

Она была так молода, так красива и изящна, ее мама. И курила она также изящно. Невиданная сигарета с золотистым фильтром выглядела очень эффектно в ее тонких, унизанных кольцами пальцев.

Сима встала из-за стола, распахнула форточку.

— Я подумала, что нам следует квартиру продать, — заговорила наконец мама.

— То есть как продать? — опешила Сима.

Ее мама и сводный брат жили в роскошной четырехкомнатной квартире почти в центре. Зачем им понадобилась ее хрущоба?

— Будет справедливо, если мы разделим деньги, полученные от продажи квартиры поровну: тебе — одна часть и две части — нам. — Мама стряхнула пепел в любимую Симиной чашку. — Видишь ли, Вадик поступил на юридический. В связи с этим мои расходы значительно возросли. Мальчик должен соответствовать. Понимаешь?

Сима снова ничего не понимала. Она не понимала, где ей жить после такого «честного» дележа. Она не понимала, чему и каким образом должен соответствовать студент-первокурсник.